

ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, и это буквально навязывается нашему сознанию, что русский язык содержит множество непристойных слов, так что можно выделить даже особую речь — "русскую матерную", на которой якобы разговаривает половина населения нашей страны. Русским приписывают необычайную грубость в высказываниях, без которой, дескать, не обходится у нас ни армия, ни медицина, ни строительство. Причём и сами себе мы представляемся изощрёнными ругателями, в отличие от цивилизованных и культурных народов, к которым причисляем всех, кроме себя.

Однако особая грубость и тяга к непристойностям у русского народа — это навязанное извне заблуждение, а совсем не наша национальная черта, поскольку необходимость в словесном оскорблении существует у всех народов и людей, и это есть отражение и воплощение общечеловеческой потребности отмирать обидчику, совершать возмездие врагу, наказывать при помощи оскорбительной речи. Каждый народ выработал свои собственные формы словесного отмищения и наказания, хотя они подчас не кажутся нам, русским, чем-то действительно обидным.

Так, к примеру, японцы, в языке которых слов оскорбительных, с нашей точки зрения, практически нет, наносят обиды своим врагам, намеренно не употребляя грамматическую категорию вежливости, свойственную японскому языку. По-русски это звучало бы так. Вместо вежливой просьбы: "Будьте добры, откройте, пожалуйста, окно!", — мы бы просто приказали: "Открой окно!", — человеку, к которому нам нельзя обращаться на ты или мало нам знакокому.

Индусы и казахи сохранили особый способ оскорбить родственника — они, в намерении обидеть, называют его просто по имени, а не по родственному статусу: невестка, деверь, шурин, сноха. Это всё равно, как если бы мы пожилого, уважаемого нами человека, которого все величают по имени-отчеству "Василий Иванович", вдруг обозвали Васькой.

Для немцев крайне оскорбительны обвинения в нечистоте, неярishливости. Они существуют и у нас, когда мы обзываем кого-нибудь свиньей или свинтусом, а для русских это обвинение не слишком обидно.

Получается, что брань есть оскорбление того, что народу особенно дорого и важно: для японца важна дистанция между людьми, и они держат её с помощью грамматической категории вежливости. Для индуса или казаха дороги семейные отношения, и разрушение их наносит им обиду. Немцы — блюстители чистоты и порядка, поэтому их оскорбляют обвинения в неярishстве. Но всё это нам не представляется особо обидным или срамным. Наши русские формы оскорбления кажутся нам гораздо более непристойными и обид-

решения на пахоту и сев, иначе она, матушка, не даст хорошего урожая. Его приносили клятву, съедая горсть земли, которая в случае лжи или нарушения присяги вставала комом в горле. Вот отчего мы порой, сами не понимая с какой целью, говорим, уверяя собеседника в необходимом нам деле: "Хочешь, буду землёю есть". До сей поры так необходимая в человеческих отношениях клятва связана именно с землёй. Из-за этого мы говорим, давая обещание "провалиться мне сквозь землю", то есть в случае нарушения слова или заведомой лжи, обрекаем себя на упокоиться в сырой земле, а провалиться в татаряры, в преисподнюю, в ад. Такого же смысла и проклятие "чтобы тебе сквозь землю провалиться!", некогда вызывавшее праведный страх.

Мать Земля в русской картине мира сходна с родной матерью в заботе о своих детях, потому и матерная брань как оскорбление адресуется к матери оскорбляемого человека и одновременно к земле, которая его носит на себе. Поношение матери в наших представлениях есть осквернение чрева, выносившего его, и родной земли, вскормившей его. Подобные слова, если оскорбляемый почитает и любит родную мать, вызывают тот же ужас, что и помяинание чёрта — у человека глубоко религиозного и искренне верующего в Бога. И хотя мы давно позабыли древние ритуалы поклонения Матери Сырой Земле, но в большинстве своём по-прежнему любим своих матерей, и потому наша душа при матерщине трепещет и возмущается, захлёстывается чувством обиды.

Богохульство и матерщина являются оскорблением двух высших чувств в человеческой природе: чувства святого как осознания нами святости нашего Творца во всех Его ипостасях, и чувства священного как понимания места нашего творения, материала, из которого мы созданы, это священное и есть родная мать и её прообраз — Мать Земля. Господь, по убеждению всех религиозных народов, создал нас из Земли (в слове "создать" корень "зд" — означает землю или глину). Земля есть место силы, ею человек живёт и питается в физическом смысле слова, её непременно сравнивает в глубине души с родной матерью, которая для нас священна в той же степени. Священное, как и святое — обязывает нас к почитанию, благоговению, сбережению от всякого поругания и осквернения. И когда скверными устами произно-

находят им эквиваленты, прямо отсылающие окружающих к нечистому смыслу: многочисленные "ёлки-палки", "ёшкины коты", "японские городские", "блины", помянуть которые ныне не стесняются культурные с виду дамы и джентльмены, и даже дети не чураются их, — никого из окружающих не вводят в заблуждение. Они являются отвратительным явлением не только грязной речи, но и свидетельствуют о грязном образе мысли людей, произносящих подобные звефемизмы.

БРАНЬ — СЛОВЕСНАЯ ОБОРОНА

Однако помимо слов оскорбительных, ведущих к параличу души, в русском языке есть слова бранные, которые служат человеку на пользу. Ведь и само слово "брань" означает нашу словесную оборону, в стремлении избежать физического столкновения с противником и обойтись при выражении своей агрессии одними лишь словами. Как говорили истары, "берёза — не угроза: где стоит, там и шумит". Действительно, уж лучше обругать недруга бранным словом, нежели раскроить ему вгрячах череп. Так, действительно предостережение: "Браниться — бранись, а рукам воли не давай".

Бранные слова или словесная оборона весьма отличаются от оскорбительных слов. Брань искони использовалась как форма предупреждения противника в том, что он будет атакован, если не смирится и не сдастся. Таков обычный русского народа. Мы не нападаем на неприятеля сзади, как это делают степные народы. Мы не кидаемся на врага внезапно, без предупреждения, как это принято у некоторых наших соседей. Русские имеют обыкновение предупреждать недруга о нападении, и в это предупреждение мы, как правило, вкладываем ритуальные слова поношения врага — ту самую русскую брань. Знаменитое послание князя Святослава "Иду на вы!", так удивлявшее его противников, является примером русского предупреждения супостатов о грядущей схватке. Великодушные воина-славянина здесь сопровождалось обыкновенно ритуальными угрозами врагу, которые не столько деморализовали неприятеля, сколько подбадривали самого бранящегося.

Татьяна
МИРОНОВА

ПОЛЕ БРАНИ

Как ругаться русскому человеку?

Действительно, использование словесной брани ведёт своё начало от древнего воинского обряда уничижения своего врага перед схваткой. Подобные обряды укрепляли в бойцах чувство собственного превосходства над противником. Ритуал брани был настолько обязателен в русской бытовой культуре, что на этот счёт существует известная поговорка, исходящая от лица заинтересованных схваткой зрителей: "Полно браниться, не пора ль и подрасть?"

Самым важным в таких ритуалах является переименование врага из человека в животное, причём в такое животное, победить которое легко. Нестрашные, неопасные звери и скоты: козёл, баран, осёл, свинья, лиса, собака, — становились именованиями противников русского воина. Их употребление в зависимости от того, что побольнее заденет недруга: неярishливость свиньи, тупость барана, упрямство осла или вредность козла... Но в брани никогда не использовались имена хищников: волка и медведя, — противостояние с которыми не сулило лёгкой победы. Поминали в оборонной брани животных в собирательном смысле: тварь или скотина, — тоже универсальные переименования перед схваткой. С возгласом: "Ах ты, скотина!" или "Ух ты, тварь!" — у нас принято кидаться в рукопашную.

Переименование человека в скот было важно для русского ещё и потому, что русич, добрый по своей природе, не был готов убивать себе подобных даже и в открытом бою. Ему требовалось не только переименовать своего противника в животное, но и убедить самого себя, что он видит перед собой врага не в человеческом облике, а в обличье зверя. Ибо, как писал Владимир Высоцкий: "Бить человека по лицу я с детства не могу". И вот, чтобы не бить человека по лицу, это лицо по-русски переименовывали в звериную образину: так родились бранные угрозы: набить морду, дать в рыло, начистить рожу, порвать пасть, врезать в харю, разбить мурло. Все перечисленные здесь слова суть именования звериной морды — нечеловеческого обличья. Уничжая таким образом противника своей угрозой, пригрозившийся к бою или драке человек и себя освобождал от угрозыни совести, что он поднял руку на человека. Противник для него становился как бы зверем.

Есть в словесной обороне и иной способ переименования врага перед схваткой. Чтобы оправдать свою агрессию, боец называл противника именем чужака, человека чужого, враждебного нам рода-племени. Русская история накопила немало таких прозвищ, запечатлённых в памяти языка благодаря множеству нашествий и войн. Из тюркских языков пришли к нам балбес (из татарского "балмас" — "он не знает"), болван (татарское "богатырь"), балда и бадма. Это память о монголо-татарском иге и последующем враждебном соедестве со степняками. Война с Наполеоном отразилась в словах шаромыжник (франц. "шер ами" — "милий друг") и шваль (франц. шевалье). Слова эти пережили сложную историю. Они возникли в результате наложения друг на друга старинных русских корней и французских заимствований. Именно с опорой на русский корень в слове шуваль (клочок, обрывок, лоскут) произошло переосмысление слова шевалье, обозначавшего недруга-француза. Так возникла шваль — название всякого никчёмного, ни на что не годного человека. Французское "шер ами" тоже было переосмыслено в нашем языке с помощью русского корня "шара" (пустота, дармовщина, шаром, на шару, (даром) в соединении с суффиксом -ыг-, известном в словах скальыга, забудлыга, прощелыга. Слова "шаромыга", "шаромыжник", таким образом, стали ироническими прозваниями пошлойкаи и ничтожества. Кстати, слово "забудлыга" имеет подобное же образование. Здесь использован татарский корень "булды" ("хватит"), а "забудлыга" означает пьянчину, у которого нет понятия "хватит", то есть способности вовремя остановиться в хмельном питии.

Вспомним здесь также и "шалопаят": заимствованное из французского языка слово шепепар (негодяй) преобразовалось в слово шалопаят под влиянием русского шалун, шалый, и стало означать обыкновенного бездельника.

Более новые ругательства, обозначающие чужаков: греческое "идиот" (особенный, непохожий на других, чужой) и французское "кретин" (глупый). Они для нашего языка — тоже знак неполноценности человека, его чуждости родному сообществу, что позволяет использовать эти слова в словесной обороне, выводя "идиота" и "кретина" из круга "своих".

Назовём ещё одну стратегию словесной обороны, которую использовал русский воин и всякий изготавившийся к драке русич. В этой стратегии очень важно предупредить своего противника, что он будет повержен и уничтожен. Именно для этого используются слова, обозначающие падаль и мертвечину. Таковы слова "падла" и "стерва", "мразь" и "мерзавец!", "сволочь" и "зараза". Каждое из них выражает идею мёртвого особенным образом. Если "падла" — это то, что мёртвым пало на землю, обычная падаль, то "стерва" — растерзанное существо. Не случайно медведь в говорах называется "стервецом", что означает "терзающий добычу". Памятен и "стервятник" — хищная птица, которая питается падалью, терзает её на части. "Мразью" именуют противника, сравнивая его с замёрзшим до смерти существом, такого же и "мерзавец". В слове "сволочь" прослеживается сравнение со сволоченной в кучу мёртвой лисой, ни к чему не годным мусором, — так полагал Владимир Даль. А слово "зараза" происходит от глагола заразить (то есть поразить, убить), и обозначает убитого в бою.

Итак, словесная брань — это самая настоящая стратегия защиты, предупреждение врага о нападении, уничижение противника и одновременно укрепление самого бойца перед схваткой. Такова история происхождения бранных слов. Но и сегодня брань допустима и порой даже необходима в речи. Ведь ею можно вполне выплеснуть обиду на неприятеля, одной лишь перебранкой исчерпать конфликт и избежать рукоприкладства.

РУГАНЬ — ВЫЯСНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С БЛИЗКИМИ

Оскорбительными и бранными словами русский запас обидных речений не исчерпывается. Важнейшей частью национального быта является ругань — словесное уничижение наших близких при выражении недовольства ими и при так называемом "выяснении отношений".

В русской традиции общения, которая складывалась на протяжении тысяч лет, особо ценилась искренность, открытость человека во взаимодействии со своими близкими. Именно поэтому мы считаем идеалом общения разговор по душам, без которого русский человек скукоживается в собственном коконе и иссыхает душой. Но и оборотную сторону разговора по душам, искреннее выражение недовольства своими близкими — мы тоже очень ценим, называя его "выяснением отношений". Такое общение — это разговор по душам назнанку, это накопленные обиды, выплеснутые в лицо, это возмущение, сконцентрированное в ругательном слове, которым мы обзываем провинившегося перед нами родственника или друга. В русских пословицах подобные ругатели метко

сравниваются с собакой, что переменчива нравом, от свирепости до ласковости: "Полай, полай, собака, да и облизнись!"

Ругательные слова, какими в нашем языке "выясняют отношения", очень разнообразны и красочны, поскольку человек, ругаясь, стремится выразиться как можно ярче, но при этом не оскорбить, не сразить, не облить грязью. В подборе выражений ругатель, как правило, исходит из установок, что его раздражитель — как бы не человек вовсе, он некое пустое место, не имеющее главного признака человека — живой души.

Таково, к примеру, слово "дурак", этимология которого основывается на понятии "дыра" — пустое место. Причём, ругаясь, мы любим подчеркнуть, что "дурак" — безумный, безоголовый, бестолковый. И к "дураку" добавляем "бестолочь", утверждаем, что у дурака крыша съехала, чердак без верку. Дураков величают на разные лады, новизной формы освежая силу ругательства: здесь и ласковое "дуралей", и раздражённое "дурандас", и добродушное "дурачина", и гневное "дуролом", и просто банальные "дурень" с "дурилой", а также "дурошлёт" и "дурьнда". Звонкости добавляют устойчивые определения "дурака" — "дурак" бывает крупный, набитый, отпетый. А если "дурак" не совсем дурак или притворяется таковым, то есть и для этого свои названия — "попудурок" и "придурок".

Другое ругательное именование ближнего бездушным предметом обозначает разные виды дерева: тут и "чурка", часто она выглядит как "чурка с глазами" или "чурка с ушами", и "чурбан", и "полено", и "бревню", и "дуб" с "дубиной" и "дуболомом", причём для яркости "дубина" именуется стоеросовой, то есть не лежащей, а стоячей, подобно человеку. Высокого и тупого человека назовут ещё и "орясной" — длинной жердью или хворостиной. Так ругают добрых молодцев. Вспомним и "пень", к которому добавляют, что он старый и замшелый, — так укоряют стариков. Сходно с представлением о человеке-деревяшке и слово "остолоп", оно истары обозначало деревянный столб и имеет тот же корень. Ещё один деревянный предмет, переосмысленный в ругательство, — "оглобля". Современный язык добавляет к этому списку "бамбук" и "баобаб", а ещё, постучав по деревяшке, мы произносим с чувством собственного превосходства над тупицей "здравствуй, дерево!"

Занимательны и ругательства с называнием ближних обуювью. Тем самым мы подчёркиваем, что перед нами не человек, а лишь его оболочка без содержания — то есть опять-таки без души. И обуюв в таких выражениях мы подбираем, соответствующую социальному статусу ругаемого нами человека. "Сапог" или "голеньище" — скажем о тупоголовом военном, "лаптем" и "валенком" обуювём простофилю-деревенского жителя, "тапком" жена отчихвостит собственного безвольного мужа, а тот "тапочкой" — свою бестолковую жену, но в любом случае, мы высказываемся в том смысле, что перед нами пустота, бессодержательный объект.

Мысль о своей никчёмности, ненужности — обидна для человека, и ругатели этим с удовольствием пользуются. Русский язык накопил коллекцию никчёмностей, используемую в ругани. Здесь и обычная "дрянь" с "фингей" в придачу, и более конкретные "отрепье" — рваная одежда, и "ошмётки" — старая обувь, а также "отребье" — ненужный хлам и мусор. Есть в подобной ругани забавные редкости, но тоже никчёмные: "ошурок" (засохшая стопа), "шуваль" (обрывок, лоскуток). Особняком здесь стоит слово "обормот" — оно тоже обозначает никчёмного оборманца, и звуковое сходство "обормота" с "оборманцем" вроде бы прослеживается. Однако в "обормоте" состоялось русское переосмысление немецкого Uebermut (хулиган, кривляка, шалун). Совпадение звучаний "обормота" с "оборманцем" и "мотом" дало импульс развитию много значения — никчёмного гуляки, проматывающегося до последней рванки. Точно так же в конце XIX века сформировалось слово "охламон", изначально оно соотносилось с греческим "охлос" (народ) и буквально означало "человек из народа". Но яркое совпадение звучания этого слова с корнем "хлам" породило новый смысл — плохо одетый, неряха.

Ругани, адресованной близким, свойственны и наименования их животных, прежде всего отличающимися глупостью, вредностью или никчёмностью. Жену муж может обзовать овцой, козой или курицей, а она его в отместку — козлом или бараном. Вредного и капризного старика величают "старым хрычком" (слово "грнч" сохранилось в чешском языке и означает "старый пёс"), а ворчливую старуху прозывают "старой каргой" (слово "карга" сохранилось в санскрите в значении "ворона").

Важной приметой внутрисемейной ругани являлись именования своих близких именами чуждого происхождения: "дундук" (никчёмный, тупой) происходит от тюркского личного имени, "олух" (глупый, неярishливый) ведёт свое происхождение от финского личного имени Oliska, "пентюх" (неуклюжий, туповатый) возник в результате переосмысления греческого имени (Пантёух — Пантюха — пентюх) при совпадении звучания с выразительным "пень".

Обратим внимание, насколько велико число таких вот ругательств: безобидных, ибо они не являются оскорбительными, как богохульство, мат и сквернословие, и никому не угрожают, как словесная брань. В такой повседневной ругани каждый из нас сбрасывает нервное напряжение, раздражение, которое вызывают обычно трудные обстоятельства жизни или усталость в труде: "не выгудавишь, дела не сделаешь", "без шуму и брага не закиснет". Вот оно — истинное назначение русской ругани: "поругаться — душу отвести", а значит, вернуться в спокойное состояние и с толком довести дело до конца.

Когда же мы ругаемся на собственную родню и друзей, то и тут в подобной ругани есть большие достоинства. Психологическая разрядка наступает, когда человек пользуется всеми этими смешными именами: олухами, дундуками, орясинами и ошурками, ошмётками и валенками. К примеру, назовёшь своего ленивца-сына "телепнем" — и сам пустишься в хохот, представишь его в виде неповоротливого увальня, телепелючаго сюда-сюда без толку. Или жена в сердцах крикнет мужу: "Ну, что встал, как остолоп!", а он ей в ответ: "Совсем, овца, потерялась?!" И смешно это, и не обидно, но поучительно. Почему и говорят на Руси: "милые бранятся — только тешатся", "больше бранятся, смиреннее живут", "при счастье бранятся, при беде мирятся", "свои собаки грызутся, чужая не приставай".

Психологи изучили потребность людей в словесной разрядке и установили, что когда человек постоянно из страха, или в силу хорошего воспитания, или ещё по какой-то причине не имеет возможности высказать свои негативные чувства, у него затемняется рассудок, он начинает чувствовать ненависть к окружающим, и может не только сойти с ума, но и совершить преступление или самоубийство. Это состояние называется по-русски: "зла не хватает". "Зла" в словесной ругани должно хватать сплона, потому что это наиболее безобидная форма наказания или возмездия раздражающему нас ближнему. После чего для обоих наступает мир и успокоение. Потому все мы и знаем: "брань не дым, глаза не ест", "брань на вороту не виснет", и, главное, "не побив кума, не пить и пива".

Так зачем же, спрашивается, мы позабыли многое множество таких метких, звонких, точных ругательных слов, а вместо них, как обухом по голове, кроем наших близких и дальних отборным матом, чертыхаемся на них и сквернословим, потеряв при этом страх и стыд и выставяя напоказ собственный срам?

Может, это происходит потому, что мы уже давно живём в обществе, где люди перестали поклоняться Богу и Его Пречистой Матери? И потому хулить Их — ругаться "в Бога-Мать" не является для многих чем-то страшным? Может быть, чертыхание в ходу потому, что вот уже сто лет, а то и больше, — дьявола перестали считать врагом рода человеческого? А значит, входить с ним в открытое общение, чертыхаясь, также стало не страшно? И ведь эти же сто лет, за какие мы так стремительно забыли Бога и познали чёрта, люди в нашей стране перестали поклоняться Матери Земле и пренебрегли святостью материнства вообще. Вот и матерная брань перестала вызывать стыд: сначала — перед лицом родной земли, потом — перед лицом родной матери, и, наконец, — в глазах собственных детей. Что до сквернословия, то его нечистоты уже не воспринимаются как срам, ибо люди привыкли не только грязно говорить, но и грязно думать.

Всё дело именно в том, что мы в большинстве своём привыкаем грязно думать, а то и не думать вовсе, использовать сквернословие и матерщину как рефлекс недовольства и негодования. При провалах в мыслях и в памяти, как установлено нейробиологистами, люди как раз и заполняют пробелы речи матерщиной, чертыханием и сквернословием. Есть даже психическое заболевание, при котором у человека полностью отсутствует речь, но с целью привлечь к себе внимание окружающих, больной изрыгает сквернословие и матерщину. Так что беспричинно матерящиеся и привычно сквернословящие люди сродни душевнобольным и должны таковыми восприниматься в обществе.

Итак, навязанное сегодня в России убеждение, что **русские — какие-то особо изощрённые сквернословцы, которые без мата не пьют, не едят и вообще не живут на свете, — это лукавство или заблуждение. Богохульство, мат и сквернословие ещё сто лет назад считались недопустимыми не только в образованной среде, но и в простом народе. Слова эти несли открытое зло, были опасны для общества и человека, их избегали, за них жестоко наказывали. Другое дело — бранные слова и ругань, что оказывались подспорьем в искреннем общении с близкими и способом предотвращения рукоприкладства. Здесь меткое русское слово служит полезную службу и по сей день. Это не значит, конечно, что мы вправе костерить родню и друзей с утра до ночи, но это значит, что мы должны беречь себя и всех окружающих нас от оскорблений и сквернословия.**

Баба Яга едет с крокодилом драться. Современная реконструкция лубка XVII-XIX веков

ными. И это всё потому, что русским причиняет скорбь, то есть горе, а именно таково значение слова "оскорблять": причинять скорбь, болезненную обиду, горе человеку, — нам действительно причиняют скорбь совсем иные слова, которые задевают струны нашей национальной души и заставляют их дрожать и плакать. Эти слова именно в нас, русских, вызывают чувства страха, срама и стыда, потому что для нас дороги и святы понятия, которые пятнает оскорбление.

ЧТО ТАКОЕ "РУГАТЬСЯ В БОГА-МАТЬ"?

Самое страшное оскорбление для русских — богохульство, хула на Бога, оскорбление Божьей Матери и святых, то что называлось "ругаться в Бога-Мать". Даже у неверующих людей это вызывало чувство внутреннего содрогания, инстинктивный страха Божия и действовало на человека как сильнейший удар, вызывало нравственную боль и потрясение. Богохульство жестоко наказывалось на Руси. В первой статье соборного Уложения царя Алексея Михайловича за богохульство полагались казнь через сожжение.

Считается, что благодаря таким жестоким мерам, богохульство практически исчезло из русской речи. Но это не так. Оно обрело особые формы, которые выражены словом "чертыхаться". Богохульством по-русски является поклонение дьяволу, а в живом языке чаще в этом значении употребляется слово "чёрт". "Чёрт подери!", "иди к чёрту", "чёрт его знает", "чёрте что", — всё это намеренные замены Имени Божьего именем врага рода человеческого, которого верующие люди остерегались и остерегаются помяинать. В старину подобные богохульства употреблялись редко. Они вызывали тот же ужас, что и прямая хула на Господа, ибо помяинание имени дьявола в представлении русского народа, как и любого народа, имеющего в душе веру в Бога, призывало в помощь нечистую силу точно так же, как помяинание имени Божьего призывало к действию и к помощи Господа и ангелов его. Вот почему чертыханье было запрещено среди благочестивых людей, оно вызывало потрясение души, как и прямое поругание Бога.

Но в современном русском мире, где почти отсутствуют подлинная религиозность, помяинание чёрта перестало быть ругательством. Поскольку Бог и Божья Матерь для большинства народа уже не святыня, то и богохульство в виде чертыханья, а по сути — поклонение дьяволу и нечистой силе, воплощённой в образах чёрта, лешего, "чёртовой матери" и "чёртовой бабушки", — стало обычной фигурой речи, выражающей наши раздражение и досаду.

Насколько мы потеряли страх помяинания дьявольского имени, видно в вошедшем в обиход богохульным обращении к чёрту в выражении "чёрте, что?": А ведь перед нами вопрос, которым человек, отрекаясь от Бога, ищет ответа и помощи у дьявола. Эта фраза по сути своей противоположена выражению "помоги, Господи", "дай, Боже", "спаси, Господь". В ней присутствует обращение в древнем звательном падеже "чёрте" и вопрошительное местоимение "что", поставленное здесь в ожидании ответа на призыв нечистой силы. И мы, полагая чертыханье простым выплеском раздражения, на самом деле богохульствуем, призывая себе в помощь и поощрение не Бога и его благие силы, а дьявола и бесов, под разными именами пробравшихся в наш язык. Вслед за "чёрте, что?" мы можем мы, безумствуя, иные вопросы к бесам: "чёрте, как?" и "чёрте, сколько?", "чёрте, кто?" и "чёрте, зачем?"... А ведь всё это — формы общения с нечистой силой, или, иными словами, богохульства.

РУГАНЬ "НА ЧЁМ СВЕТ СТОИТ"

Ещё один страшный вид оскорбления — матерщина, которую в древности называли "матерная лая", уподобляя матерные слова и выражения собачьему лаю. Матерщина имеет истоки в древнем поклонении русского человека Матери Сырой Земле, которая, согласно исконным представлениям нашим, нас родила, носит на себе, кормит-питает, одевает, согревает и после смерти даёт последний приют нашему телу. Вот почему и существует выражение "ругаться на чём свет стоит", ведь свет стоит и мир держится на Матери Земле. Мать Земля — древняя святыня, которой в старину надлежало касаться рукой прежде, чем человек вставал от сна, так у Земли испрашивалось разрешение встать на неё ногами. У Земли предписывалось просить раз-

СКВЕРНА ПЛОТИ И ДУХА

Есть ещё один вид сильного оскорбления по-русски — сквернословие, использование так называемых скверных слов, обозначающих нечистоты, экскременты, органы человека ниже пояса и его физические отравления. Такое восприятие сквернословия основывалось на древней установке, через язык вводящей в нашу картину мира понятия добра и зла: верх в этом случае обозначал добро, а низ — зло, и в этой системе тело человека разделялось на добрую и злую половины границей пояса.

Органы человека ниже пояса представлялись, да и сейчас представляются нечистыми. И говорили мудрецы так: "Все мы наполовину люди, наполовину скоты".

Человек, которого оскорбляют скверными словами, обуювая нечистотами или дотородным органом, задней частью тела, то есть срамными, похабными, пошлыми словами, испытывает чувство, которое в русском языке называется словом срам. Срам возникает при словесном или физическом обнажении человека перед людьми, этимологически оно означает чувство жуты, которое охватывает при обнажении запретного. Не случайно о том, кто срамит кого-то или срамится сам, говорят: он наглый, он издевается и изгаляется. И тем самым язык наш подчёркивает, что скверна плоти обнажена, освобождена от покрова и выставлена во всей нечистоте на всеобщее обозрение. Однако сегодня сквернословие далеко не всеми воспринимается как срамословие. Люди, потерявшие представление о чистом и нечистом собственной плоти, утрачивают и безразличное отношение к нечистому слову. Поистине скверна плоти рождает и скверну духа, и речь русского человека всё больше наполняется нечистотами.

Так что оскорбление по-русски включало в себя три вида слов, вызывавших своего рода паралич души, сильнейший шок, оторопь и обиду: это богохульство, матерщина и сквернословие. Богохульство влекло за собой чувство страха, матерщина вызывала стыд, а сквернословие порождало срам в человеке. Именно по ру эти словесные оскорбления говорились, что словом можно убить. Ибо такие оскорбляющие слова заставляли человека как бы обмереть, испытать скорбь, а по сути этого слова — паралич души, так как скорбь происходит от понятия скоробиться, то есть скорчиться и застыть в скорченном состоянии. Именно об оскорблении гласит русская пословица: "Слово не стрела, а пуще разит".